

Значение учреждения подчеркивает тот факт, что первым президентом академии императрица назначила свою талантливую сподвижницу княгиню Е. Р. Дашкову.

Через 20 лет существования — в 1804 г. Российская академия обретает специально для нее построенное здание по 1-й линии, д. 52, которое возведено на месте ботанического огорода Ломоносова. Не где-то в другом месте, а именно там, где писал «Российскую грамматику» Ломоносов, теперь пишутся и издаются новые версии «Российской грамматики», различные словари и художественные произведения.

В стенах здания заседают ее действительные члены: Державин, Крылов, Карамзин, Пушкин и другие деятели русской словесности, историографии и образования. На заседаниях Академии Карамзин читает новые главы «Истории Государства Российского», а Пушкин пишет журналистские отчеты для «Современника».

Можно назвать Промыслом и то, что место с сильнейшей филологической аурой и предельно возможной концентрацией духов-гениев российской филологии, литературы и истории принадлежит ныне именно филологическому факультету РГПУ им. А. И. Герцена. Это значит, что дух места и дух российской словесности стали одним неразрывным целым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вергилий. Энеида: Книга пятая, 90–95 // Буколики. Георгики. Энеида (Вергилий)... М., 2005. С. 238.
2. Источник: Википедия.

Т. Г. Фруменкова

ПИТОМЕЦ ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА РЕКТОР КИЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОФЕССОР В. Ф. ФЕДОРОВ (1802–1855)

Планы И. И. Бецкого сформировать из питомцев воспитательных домов «третий чин, или сословие» были не столь уж утопичными. В самом деле, российское общество было сословным, и сословная структура отталкивала от себя людей без роду, без племени. Везде требовался документ о происхождении, а у них был только номер! Интересно, что стать государственным крестьянином было, пожалуй, не легче, чем войти в состав высших и средних сословий. Крестьянская община имела право наделить землей человека со стороны только в том случае, если среднедушевые наделы в ней превосходили норму. Попытка Марии Федоровны создать отдельные, искусственные сельскохозяйственные колонии питомцев оказалась очень дорогостоящей и в конце концов провалилась. С государственной точки зрения всего разумнее было давать питомцам образование и профессиональные навыки, чтобы они пополняли средние, промежуточные городские слои разночинцев и близких к ним категорий. И. И. Бецкой использовал все имевшиеся у него возможности: детей партиями отправляли в Академию художеств, мещанское училище при Смольном институте, учили актерскому мастерству, музыке и танцам, при Московском доме организовали фабрики, ремесленные мастерские. Последнее тоже едва ли позволяло юноше стать хотя бы подмастерьем ремесленного цеха. Скорее всего, питомцам-ремесленникам — без связей, без денег — не удавалось пробиться в мастера. Наилучшими вариантами были учеба и казенная служба.

Мария Федоровна, несмотря на риторику павловских времен, явилась продолжательницей дела И. И. Бецкого, правда, несколько более реалистичной. Вслед за Екатериной она поняла, что невозможно дать образование всем сиротам, и установила штаты домов — по 500 детей в Москве и Петербурге, а остальных отправила в деревню. На деревенском воспитании, в отличие от николаевских времен, дети обычно не задерживались — за их счет пополняли входившие в штат классы, их отправляли на Александровскую мануфактуру, Петергофскую бумажную фабрику и т. п. Для детей этот период был если не жестоким, то жестким. Они не успевали укорениться в одной среде, как уже попадали в другую. Возможности Марии Федоровны как императрицы были почти безграничными. Ее повеления выполняли все учебные заведения, и опекунские советы смогли направлять юношей в университеты. Наиболее престижным считался Дерптский университет. В первой группе из 5 человек, отправившейся в остзейские губернии «для приуготовления в звание учителей», по докладу почетных опекунов, утвержденному императрицей 30 июня 1823 г., был и питомец Василий Федоров. Он родился и поступил в дом в 1802 г., а записан был под № 785. Процедура поступления в университет была непростой.

Лучших выпускников латинского класса отобрал инспектор классов. Затем он сам вместе с питомцами отправился в Дерпт. Там юноши выдержали вступительные экзамены. В это время хозяйственная экспедиция воспитательного дома подсчитывала будущие расходы. Каждого молодого человека следовало снабдить шинелью, мундиром, фуражкой, бельем, партикулярным платьем (пantalонами, жилетом, шляпой, сапогами), постелью и всеми житейскими мелочами, обеспечить шпагой, латинским, русским, французским и немецким словарями, а некоторых — и «греческим лексиконом», заплатить за жилье, давать им деньги на питание и т. д. На проезд и первое обзаведение всех пятерых воспитательный дом затратил 4208 руб. 4 коп. Зато профессора благородно заявили, что «они платы за обучение тех питомцев принять не желают, а, предоставляя оную в пользу самих питомцев, почитают нужным, сверх исчисленных каждому на содержание по 750 рублей в год, производить также каждому по 200 рублей на покупку книг» [1]. Следующие небольшие группы выпускников воспитательных домов (всего до 1828 г., т. е. до кончины императрицы, туда было направлено 12 человек) принимали в университет на тех же условиях.

Учеба в Дерпте была серьезным испытанием, тем более что преподавание велось по-немецки. Студенту-математику В. Федорову повезло больше всех, потому что вскоре у него появился влиятельный покровитель — профессор астрономии В. Я. Струве. В 1825 г. трудолюбивый молодой человек, обладавший добрым и мягким характером, ответил согласием на предложение В. Я. Струве стать помощником профессора, по другим источникам — помощником при директоре университетской обсерватории (и директором, и профессором был сам В. Я. Струве). Профессор представил в воспитательный дом «отзыв... о пользе и выгодах для него, Федорова, от занятий по той части». 3 сентября 1827 г. В. Федоров был удостоен ученой степени кандидата философии и вместе со своим коллегой Александром Степановым заслужил похвальные отзывы своих учителей: «Оба студента, в особенности последний (В. Федоров. — Т. Ф.), оказали на экзамене более успехов, нежели сколько требуется... Но назначение высшей степени связано не только с успехами, но и с протечением определенного времени. Оба подают большие надежды к дальнейшему образованию». Ректор университета ходатайствовал перед императрицей о продлении срока их обучения еще на два года, чего они «в полной мере заслужили и по нравственному их поведению и природной необыкновенной основательности характера». По мнению Петербургского опекунского совета, «продолжение их пребывания в университете» поможет обоим студентам «достигнуть со временем высших ученых

степеней, принести честь и пользу дому, их призревшему». В. Федоров получил дозволение императрицы остаться в Дерпте еще на два года, чтобы «усовершенствоваться более в практической астрономии». При этом Мария Федоровна наградила его золотыми часами [2].

Осенью 1828 г. профессор физики Дерптского университета Е. И. Паррот обратился к попечителю учебного округа и заявил, что он «желает предпринять ученое путешествие на Араратские горы, поступившие во владение Российской империи со вновь покоренною Армению, ... распространить пределы физики вообще и в особенности относительно познаний наших о земном шаре чрез измерение высоты помянутых гор, топографического определения той страны, исследования различного наклона и силы магнетизма и рассмотрение произрастений и минералов сего столь любопытного хребта, вовсе еще в ученном отношении не исследованного, и о котором столько известно, сколько нужно только для возбуждения в высшей степени любопытства». Туркманчайский мир, по которому в состав России входило Эриванское ханство, был подписан 10(22) февраля того же 1828 г. Предложение было передано министру народного просвещения К. А. Ливену, который представил его в Комитете министров, напомнив, что Е. И. Паррот «известен в ученном мире по описанию Пиренейских, Альпийских и Кавказских гор, по коим он путешествовал» [3]. Участниками экспедиции по желанию ее организатора стали молодые ученые, учившиеся в Дерптском университете и продолжавшие совершенствоваться в избранных ими науках: минералог М. фон Бегамель, ботаник Ю. Ген и зоолог К. Ф. Шиман. Каждому из молодых людей рекомендации дали их научные руководители. Кроме того, по убеждению профессора астрономии В. Я. Струве, экспедиции требовался «астроном, снабженный хорошими приборами, частью для географического определения сих стран, еще вовсе не определенных, частью для произведения тригонометрических измерений высот, наконец, для того, чтобы участвовать в физических исследованиях под руководством профессора Паррота». В представлении ректору университета Эверсу В. Я. Струве, во-первых, высоко оценил значение предстоящей экспедиции. По его мнению, «путешествие к Араратским горам... столь важно для наук, что всякой, кто неравнодушен к успехам естественных знаний, должен с живейшим участием желать и ожидать приведение оною в действие. Путешественник, на деле доказавший свою опытность во многих отношениях, обогатит физическое землепознание своими исследованиями горного хребта, знаменитого от самой седой древности». Во-вторых, в качестве «наблюдателя по астрономической части» он предложил своего помощника кандидата университета В. Федорова [4]. Е. И. Паррот в свою очередь выразил готовность иметь в числе своих «спутников в путешествии... человека столь достойного уважения, каков кандидат Федоров». Для его отправления в Армению университет обратился к «августейшей покровительнице сего молодого ученого» Марии Федоровне, предполагая исходатайствовать у императрицы «соизволения на доставление г. Феодорову нужных способов к сопутствованию предпринимаемой экспедиции». Таким образом, участие В. Федорова в научном путешествии должен был финансировать воспитательный дом. По расчетам организаторов, его путевые издержки могли составить 600 руб. Немалых денег стоили «ученые аппараты»: «теодолит эртелевский» (400 руб.), «зеркальный сектант с горизонтом» (150 руб.), зрительная труба (100 руб.), масштаб, циркуль и «мерительная цепь» (50 руб.). Молодому астроному нужны были и два карманных хронометра. В. Я. Струве пояснял: «Сии последние не могут быть изготовлены художником в такой скорости, и посему представляется единственным средством то, чтоб по ходатайству начальства предоставлены были г. Феодорову на время его путешествия два хронометра из Адмиралтейства... Поелику перевозка приборов требует особенных предосторожностей, то надлежало бы к путевым деньгам прибавить еще 300 руб.» [5]. Императрица согласилась

оплатить участие В. Федорова в экспедиции и распорядилась прибавить к 1600 руб. серебром еще 950 руб., составлявших его годовое содержание.

Выезд из Дерпта задержали хлопоты, связанные в первую очередь с комплектованием инструментальной базы. Министр народного просвещения кн. К. А. Ливен обратился к морскому министру А. В. Моллеру с просьбой «о снабжении Федорова... хронометрами», но получил отказ. По сведениям из министерства, хронометров в гидрографическом депо было «весьма недостаточно», и морские экспедиции 1829 г. имели в них «необходимую надобность». К. А. Ливену пришлось вступить в переписку с генерал-гидрографом главного морского штаба Г. А. Сарычевым и продолжить переговоры с министром. Два с лишним месяца ушли на то, чтобы добиться от руководителей морского ведомства согласия на отпуск одного из лучших карманных серебряных хронометров работы мастера Арнольди. Второй хронометр удалось получить в Академии наук. Дорогие приборы не решились послать из Петербурга в Дерпт почтой, и их привез Е. И. Парроту в начале марта 1829 г. фельдъегерь Шиц, прикомандированный к экспедиции. Кстати, взамен хронометра (в ряде документов — хронографа), полученного в Морском министерстве, К. А. Ливену через своего брата Х. А. Ливена, посла в Лондоне, пришлось купить аналогичное произведение того же мастера, что обошлось министерству в 1440 руб. Еще на месяц путешественников задержали «неполучение заказанных Парротом астрономических часов из Палангена и болезнь университетского механика», который должен был изготовить ряд инструментов [6].

Наконец, 30 марта 1829 г. экспедиция покинула Дерпт. Ее руководитель получил «открытый лист» министра внутренних дел А. А. Закревского, который предписал «градским и земским полициям во всех местах оказывать содействие» экспедиции. По журналу Комитета министров отдельное предписание аналогичного содержания было дано «начальству Армянской области» и И. Ф. Паскевичу-Эриванскому, «главноуправляющему тамошнего края» [7].

О ходе экспедиции и вкладе в ее работу В. Федорова сообщают письма-отчеты Е. И. Паррота в совет университета. Попечитель Дерптского учебного округа переправлял их в русском переводе в Министерство народного просвещения. Сначала «по причине худого времени» путешественники ехали «столь медленно, что не прежде 10 мая достигли Новочеркаска». Оттуда Е. И. Паррот отправил большую часть экспедиции под руководством В. Федорова к Моздоку, а сам в сопровождении М. Бегамеля поехал «в лежащие на Востоке никем еще из естествоиспытателей не посещенные степи». В Моздоке руководитель экспедиции соединился со своими спутниками. Затем исследователи отправились через Кавказские горы в Грузию, куда и «прибыли в столичный город 6 июня». В Тифлисе участников экспедиции потрясло известие, что «в Эриване и во всей области оно открылась опустошительная язва, воспрепятствовавшая нам совершенно приступить тотчас к цели нашего путешествия». До конца июня они работали в Тифлисе, причем астроном занимался «наблюдениями о точнейшем определении положения» этого города. Затем экспедиция, «за исключением г. Федорова, который предполагал дополнить астрономические наблюдения в Тифлисе», по приглашению генерал-майора начальника Кахетинского округа кн. А. Г. Чавчавадзе посетила «часть еще не известного Восточного Кавказа, хотя впрочем, по причине разбоя лезгинцев, с большими ограничениями». Только в конце августа 1829 г. «язва начала уже менее свирепствовать в окрестностях Арарата». К тому же, Е. И. Паррот выяснил, что болезнь передается только через непосредственное прикосновение, и участники экспедиции, соблюдая необходимые предосторожности, отправились в дальнейший путь.

Время, выделенное для изучения Арарата, сократилось в два раза — с 7 до 3,5 месяцев. Все нужные для «предприятия» пособия они получили в знаменитом Эчмиадзинском

монастыре, монахи которого «с удовольствием спешили оказать великорусскому подданному» возможную поддержку. Подойдя к северо-восточному (в другом отчете — северному) склону Арарата группа остановилась в бедном монастыре св. Якова (в одном из отчетов — св. Георгия) в 4 верстах от деревни Аргури. В монастыре «подобно пустыньнику и в бедности по причине корыстолюбивого и жестокого обращения бывших владельцев страны» жил 90-летний архимандрит. Он добровольно открыл ворота путешественникам с 7 возками и 4 солдатами и в течение двух месяцев с удовольствием «взирал... на чуждые для него соединения военных распоряжений с занятиями монастыря». В такой обстановке и пришлось работать «весьма деятельному и неутомимому» В. Федорову, который занимался «точнейшим и вернейшим определением мест той горы и своим тригонометрическим измерением высоты оной». «Геогнозия Арарата обещает любопытную добычу», — отмечал его начальник еще в ходе экспедиции. «При сем долгом считаю вторично отдать совершенную справедливость прилежанию и опытности кандидата Федорова», — подчеркивал он. В это время сам Е. И. Паррот с остальными помощниками и слугами предпринял три попытки подняться на вершину «библейской горы». Последняя из них оказалась успешной — 27 сентября Арарат был покорен.

31 октября 1829 г. «при бодрости души и в совершенном здоровье» путешественники выехали из монастыря, места двухмесячных своих «упражнений». Проведя 10 дней в карантине, 19 ноября экспедиция прибыла в Тифлис. Далее Е. И. Паррот отправил кратчайшим путем В. Федорова, К. Ф. Шимана и Ю. Гена в Москву. Сам же он вместе с М. Бегамелем собирался произвести «барометрическую нивелировку» от Тифлиса до Редут-кале, а затем двигаться на Кизляр и Астрахань к Москве. К отчету от 30 ноября 1829 г. профессор приложил копию веденного им и В. Федоровым журнала и просил сохранить ее.

Сообщая об успешном завершении экспедиции, ее руководитель вновь не преминул остановиться на характеристике В. Федорова. По его словам, молодой астроном «возложенную на него обязанность исполнял как истинный ученый с знанием своего дела и при неутомимом усердии. Примерным поведением своим и степенным характером он до того приобрел мое доверие, что по окончании нашего пребывания на Арарате я мог отправить под его руководством двух моих сотрудников со всеми инструментами в сопровождении фельдъегеря заблаговременно в Дерпт, каковое поручение и исполнил он, Федоров, к совершенному моему удовольствию» [8].

Таким образом, в ходе этого путешествия, продолжавшегося около года, питомец воспитательного дома не только приобрел опыт самостоятельной практической работы и удостоился самых лестных отзывов своего руководителя, но фактически выполнял обязанности помощника начальника экспедиции.

Его учитель В. Я. Струве в это время занимался градусным измерением остзейских провинций. Он и выступил с предложением «о продолжении в России измерения градусов широты к северу для определения вида Земли». На это масштабное дело, по его предположениям, могло уйти десять лет, а затраты составили бы по 10000 руб. асс. в год. Это предложение одобрил Комитет министров, но Николай I 26 марта 1829 г. наложил резолюцию: «Отложить до окончания войны» (в то время Россия вела войну с Османской империей. — Т. Ф.). На следующий год В. Я. Струве вновь обратился с письмом к попечителю Дерптского учебного округа. Он сообщил, что шведское правительство постановило: «Измерения, относящиеся к определению вида Земли, начиная с южнейшего района Швеции, где сии измерения и примкнутся к датским, продолжить до Торнео», то есть продлить их как можно севернее. Война, продемонстрировавшая «блеск оружия» императора, как комплиментарно выразился профессор, благополучно закончилась, и он вновь напомнил об отпуске сумм на «измерение» различных районов России.

Получив доклад, Николай Павлович распорядился выдать требуемую сумму и в 1830, и в 1831 гг. [9].

В 1830 г. продолжались измерения в остзейских губерниях, а в апреле 1831 г. неутомимый В. Я. Струве представил начальству план «для астрономического путешествия по Сибири кандидата Федорова». В ходе экспедиции предполагалось «астрономическое определение 12 главных и 36 побочных пунктов в Юго-западной Сибири», что «было бы чрезвычайно полезно для употребления и составления имеющихся о тех странах частных измерений. Сии пункты лежат между Оренбургом и рекою Енисей от 50 до 60° широты. Если определение сих пунктов будет поручено кандидату Федорову и если бы он мог отправиться в скорейшем времени, дабы воспользоваться лучшими месяцами текущего года, то можно надеяться, что он кончит свое дело до исхода лета 1833 г. ...В главных пунктах надлежит определить: высоту полюса наблюдением звезд посредством теодолита, а долготы посредством лунных кульминаций и померцания звезд. В побочных пунктах должны быть определены: высоты полюса сказанным же образом, а долгота чрез перенос времени хронометром». Для выполнения программы требовались «1. Осьмидюймовый теодолит работы Эртеля в Мюнхене. 2. Ручной пассаж-инструмент его же. 3. Трехфутовый телескоп на ножках работы Фрауенгофера. 4. Дорожные стенные часы. 5. Хороший зеркальный сектант с горизонтом». У В. Федорова имелся теодолит, а цена остальных пяти инструментов составляла 2400 руб. Профессор не включил в список три хронографа «в том уверении, что Генеральный штаб отпустит их из имеющегося в оном запаса отличных хронографов, поелику путешествие предпринимается преимущественно для пользы сего штаба». Экспедиция приобретала значительные масштабы. В. Я. Струве писал: «По возможно точному соображению дороги и по принятии в рассуждение, что в каждом из побочных пунктов должно быть два раза, дабы получить сугубые определения долготы, оказывается, что надобно будет проехать около 22500 верст». На прогоны он полагал выделить за 2100 верст по 6 коп., за остальные — по 5 коп. за версту. Для двух человек — астронома и его служителя с инструментами — требовались 4 лошади, и на всю поездку на прогоны нужно было 4752 руб., вместо которых предлагалось выделить на всякий случай 5000 руб. Экипаж должен был обойтись в 2500 руб. в год, палатка, прочие нужные вещи и книги — в 1000 руб. асс. В. Федоров во время путешествия должен был получать содержание в размере 2500 руб. и 300 руб. в год на содержание экипажа. Общие издержки, по предположениям В. Я. Струве, составляли 17900 руб. [10].

Проект был согласован с начальником военно-топографического депо Главного штаба генерал-майором Ф. Ф. Шубертом. Генерал-майор уточнил некоторые положения профессора-астронома. Он писал: «По чрезмерному пространству Сибири надлежит, по моему мнению, даже при назначении работ и на многие годы, ограничить их какою-либо определенной частью оной. При астрономическом определении пунктов я начал бы с того правила, чтобы сперва некоторые твердые точки, то есть определить немногие, но с такою точностию, чтобы последующие наблюдения не могли произвести никакой перемены в их географическом положении». Одобрив предложенный В. Я. Струве перечень инструментов, Ф. Ф. Шуберт подчеркнул, что возить их нужно на рессорах и предложил использовать для этого бричку «о четырех рессорах» — она была длинной, и в ней вместе с небольшой поклажей мог разместиться и астроном. Далее он перешел к характеристике района, избранного для проведения измерительных работ. Для этого, по его данным, избрана часть Сибири, где частично уже производились геодезические и топографические работы «и которой точнейшее в административном отношении познание было бы важнее других... Здесь вся Оренбургская, Илецкая и так называемая Сибирская линия до китайской границы, как и большая часть Тобольской губернии, топографически и именно очень хорошо измерены. Посему для работы г. Федорова я

предлагал бы пространство между Оренбурга и Красноярска... В сей окрестности только два пункта, Оренбург и Екатеринбург, определены Вишневым посредством померзания звезд». Эти пункты Федорову оставалось только проверить с помощью дополнительных измерений. Кроме этого, Ф. Ф. Шуберт предлагал считать главными еще 12 пунктов: 1. Звериноголовская; 2. Омск; 3. Семиярский; 4. Бухтарминская; 5. Верхотурье; 6. Тобольск; 7. Каинск; 8. Томск; 9. Красноярск; 10. Нарым; 11. Барнаул; 12. Енисейск. Между главными пунктами выделялись 36 дополнительных (или пунктов второго разряда) — от Орска, Усть-Каменогорска, Кургана и Бийска до Тюмени, Сургута, Минусинска, Канска и Ачинска [11].

Как и при подготовке экспедиции в Армению, последовала длительная переписка между ведомствами о снабжении экспедиции инструментами. Военное министерство, в интересах которого, в первую очередь, и были запланированы работы, а также Адмиралтейство соглашались на выдачу приборов лишь при условии, что Министерство народного просвещения закажет аналогичные в Западной Европе. Отправиться в 1831 г. В. Федорову не удалось. Лишь 20 января 1832 г. Департамент народного просвещения представил проект экспедиции в Комитет министров. Журналами 26 января и 6 февраля он был подан на утверждение императору и вскоре утвержден. Путешествие было рассчитано на три года, расходы на него были увеличены до 21950 руб. [12].

Вскоре министр народного просвещения запросил у Ф. Ф. Шуберта «подробного наставления» для В. Федорова. 11 марта того же года он представил свое «мнение». Повторив согласованную с В. Я. Струве программу работ, руководитель военнотопографического депо подчеркнул, что «при проведении астрономических наблюдений место, где оные производились, должно быть привязано к одной или лучше ко всем примечательным и постоянным точкам города или местечка, как то: к колокольням и куполам церквей, к башням, примечательным зданиям и проч. Тригонометрическая связь должна быть приложена к астрономическим наблюдениям и представляться вместе с ними. Разумеется, что тригонометрическая сия сеть должна быть ориентирована азимутом». Ф. Ф. Шуберт продолжал: «В таких местах, где в отдаленности открываются примечательные предметы, как то: хребты гор, большие курганы, соединение двух рек, г. Федоров должен непременно определить азимут оных, что посредством Полярной звезды можно учинить с достаточною точностию в весьма скорое время». Копии всех наблюдений В. Федорова и сделанных им выводов следовало присылать в военнотопографическое депо. Ф. Ф. Шуберт также рекомендовал отправить в дальнейшее путешествие вместе с астрономом «крепкого сложения унтер-офицера или солдата для присмотра за орудиями», а в Сибири дать ему казаков «для караула и конвоя». Началась переписка по этому вопросу с Военным министерством. Николай I не утвердил доклад об «откомандировании к астроному Федорову одного унтер-офицера,... для назначения же ему конвоя был передан конверт с предписанием командиру отдельно Сибирского корпуса. Средства для первого года экспедиции также были доставлены со значительной задержкой [13].

После долгих согласований лишь 3 июля 1832 г. астроном, наконец, выехал из Дерпта в экипаже, набитом хрупкими инструментами, и в сопровождении служителя Данилы Бирюкова. 13 июля Министерство народного просвещения обратилось за подорожной для В. Федорова к петербургскому генерал-губернатору. Таким образом, к тому времени, как исследователь добрался до места назначения, лето 1832 г. явно подошло к концу.

Если история подготовки путешествия известна во всех подробностях, то о ходе экспедиции сведений очень мало. Донесения В. Федорова В. Я. Струве в деле о его поездке отсутствуют, и обнаружить их пока не удалось. Сохранилась лишь информация о перечислении денег на второй и третий годы путешествия.

15 июня 1835 г. директор Дерптской обсерватории В. Я. Струве обратился к министру народного просвещения с письмом, посвященным «географическому путешествию» В. Федорова. Он сообщал: «Хотя возвращение его назначено было в 1834 г., но г. Федоров нашел невозможным, преимущественно по погоде, почти постоянно неблагоприятствующей, кончить до того времени определение предназначения пунктов. Посему он мне пишет из Усть-Каменогорска в январе сего года, в надежде на разрешение к продолжению путешествия, еще не возвращаться, и вместе с тем сообщает мне план, по которому он путешествие свое желает продолжить до конца 1837 г., следовательно, три года сверх первоначального срока». По мнению ученого, «такое предположение, без сомнения, есть доказательство рвения его к наукам, поелику тамошние заезды его сопровождаются со значительными затруднениями». Самому академику запросы младшего коллеги, видимо, казались чрезмерными, и он понимал, что удвоение сроков затратного путешествия не найдет официальной поддержки. «Впрочем, я уверен, что г. Федоров может окончить свои занятия уже в 1836 г., — писал В. Я. Струве, — если он ограничится первоначальным планом, к распространению коего побудил его г. Гумбольдт (во время экспедиции В. Федоров мог встретиться со знаменитым географом и метеорологом А. Ф. фон Гумбольдом, путешествовавшим тогда по России. — Т. Ф.)». При этом знаменитый астроном вновь подчеркнул, что «при совершенстве трудов г. Федорова и неутомимой его обстоятельности должен полагать, что продолжение путешествия его до конца 1836 г., будет полезно вообще очень науке, а в особенности географии России» и попросил исходатайствовать позволение императора на «снабжение его необходимыми к тому средствами. К сему потребовалось бы ежегодно по 4500 руб., желательно в два года 9000 руб.» [14].

Бюрократическая машина на этот раз действовала быстро. С. С. Уваров, ставший министром народного просвещения, сделал запрос Ф. Ф. Шуберту, поддерживавшему предложение В. Я. Струве, и министру финансов Е. Ф. Канкрину, который сообщил, что его министерство не встретит затруднений «в отпуске сей суммы». Уже 23 июля 1835 г. С. С. Уваров был извещен о том, что на его докладе Николай I написал: «Согласен» [15]. Географическое путешествие продолжилось.

18 января 1837 г. кн. П. А. Ширинский–Шихматов напомнил попечителю Дерптского учебного округа, что срок путешествия В. Федорова закончился. Он просил уведомления о том, возвратился ли исследователь в Дерпт. Выяснилось, что в место отравления астроном еще не прибыл. Последнее донесение от него было датировано 25 октября 1836 г. В. Федоров находился тогда в Барнауле и намеревался «отправиться в киргизские степи для определения положения и высоты места Таргабатайса и потом немедленно предпринять обратный путь, так что профессор Струве ожидает прибытия со дня на день». В апреле того же года Департамент народного просвещения вновь поинтересовался судьбой путешественника, но новых известий от него не поступало, а «потому, хоть это и заставляет предполагать, что он встретил на дороге какое-либо препятствие, но как не сделал о том никакого показания, то г. Струве по-прежнему ожидает прибытия его в непродолжительном времени», о чем он лично докладывал министру. Лишь 25 августа 1837 г. управляющий департаментом кн. П. А. Ширинский–Шихматов обратился в канцелярию генерал-губернатора за подорожной для кандидата В. Федорова, отправлявшегося в Дерпт «по казенной надобности». Однако в Петербурге исследователь задержался на несколько месяцев. 28 августа 1837 г. он обратился в департамент с прошением по поводу проблем, возникших у служащего при нем по найму Д. В. Бирюкова. Еще в конце 1834 г. подлинник отпускной слуги в связи с проведением 8-й ревизии был отправлен из Усть-Каменогорска, где тогда находилась небольшая экспедиция, в Петербург, но следов документа в 6-й управе благочиния по приезду в Петербург В. Федорову обнаружить не удалось. До Петербурга пришлось обходиться копией документа, заверенной в Омске,

однако в столице у Д. В. Бирюкова и его семьи начались неприятности. Желу слуги управитель дома, в котором она снимала комнату, прогнал и не велел пускать до тех пор, пока она не «доставит ему подлинник отпускной». Обращение путешественника в канцелярию обер-полицеймейстера осталось без ответа. Он писал: «Нахожусь теперь в нерешительности, ехать ли мне в Дерпт, оставив, бросив служителя своего, умевшего в продолжение пятилетнего странствования по Сибири быть верным моим спутником и деятельным участником в трудах моих, ... или до тех пор не выезжать из Петербурга, пока доставится ему вид, по которому бы он свободно мог ехать со мною в Дерпт... Решиться ехать, не заботясь об участи служителя моего, и семейства его не позволяет мне чувство признательности к пятилетним трудам его». В. Федоров отметил, что не имеет «другого средства» исходатайствовать утерянный документ, кроме обращения в департамент. С помощью чиновников Департамента народного просвещения, кажется, удалось убедить полицию, что требуемая ею бумага действительно пропала. О Д. В. Бирюкове в документы больше не упоминают, но новая подорожная была выдана В. Федорову только после 25 ноября 1837 г. [16]. Скорее всего, исследователь терпеливо дождался, пока его слуга, о котором он проявил трогательную заботу, получит возможность сопровождать его.

Дополнительные сведения о беспримерном путешествии В. Федорова дает инициированная В. Я. Струве его переписка с начальством, относящаяся к 1838 г. 13 мая попечитель Киевского учебного округа известил министерство о том, что В. Я. Струве предложил приобрести для нового Киевского университета св. Владимира «астрономические инструменты, коими снабжен был исправляющий ныне должность ординарного профессора в сем университете Федоров во время путешествий по Сибири». При этом он предложил, чтобы университет уплатил его ученику 1808 руб. 71 коп., «передержанные им на путевые издержки» в ходе экспедиции, а также возвратил ему 295 руб. асс., потраченные им на ремонт «резных частей инструментов», чистку и «поверку двух хронометров». За 2103 руб. университету предлагалось передать 10 инструментов: 2 золотых хронометра работы Хосене и Гаута, «полусекундные часы с ртутным кендалом», «полуденную трубу», «зеркальный сектант Гильберта», телескоп, дорожный барометр, «магнитный внутренней силы аппарат», «привилегированный компас» и масштабный циркуль общей стоимостью 6125 руб. Совет университета согласился с этим предложением, впрочем, высказав просьбу о бесплатной передаче инструментов или выплате денег в расрочку из средств, ассигнованных на обсерваторию.

Получив представление из Киева, министр потребовал сведений от Дерптского попечителя. Тот, в свою очередь, с раздражением ответил, что «Федоров, получивший весьма значительную сумму из казны, ... не имеет права требовать от начальства “передержанных”» денег, а инструменты куплены за счет казны и являются “казенной принадлежностью”. В Дерптском университете вновь обратились за разъяснениями к В. Я. Струве. Список инструментов он нашел «совершенно верным» и сообщил, что В. Федоров не включил в него «магнетический аппарат» из Академии наук и «карманный хронометр Арнольди» из Дерптской обсерватории, возвращенные по принадлежности. Астрономический теодолит являлся собственностью самого исследователя, а барометр и 4 термометра в ходе экспедиции разбились. Кроме испорченных инструментов о трудностях, пережитых астрономом и его помощником, свидетельствует степень износа походного имущества: «1. Бричка, в которой он привез инструменты в Киев. От продолжительного употребления она совершенно развалилась и была исправлена Федоровым на свой счет. 2. Походная палатка, сделавшаяся ныне негодною к употреблению. 3. Небольшое собрание ремесленных орудий, как то: топор, пила и пр., которые также сделались негодными к употреблению. 4. Некоторые книги, потребные для путешествия,

таблицы Эфемеридов и пр. Находясь от частого употребления в таком состоянии, что не годятся быть отданными в какую-либо библиотеку. Они должны остаться у Федорова, который имеет в них нужду для вычисления наблюдений». Исследователь недополучил жалование из-за того, что задержался в Сибири более чем на полгода. Его учитель находил справедливым, чтобы «издержки Федорова, происшедшие от продления путешествия его», были ему возвращены. Академик уверял, что «это сделано им единственно из любви к науке». Если бы В. Федоров возвратился, как планировалось, к концу 1836 г., то «замечательные тригонометрические операции в горах Таргабатай и другие важные труды его не были бы им совершены» [17].

Впрочем, даже совершать подвиги «из любви к науке» и в то время полагалось исключительно за свой счет. Заступничество маститого наставника не помогло. Казенные инструменты были переданы в университет св. Владимира бесплатно, а В. Федорову оплатили только затраты на их ремонт.

Результаты колоссальной работы, очевидно, составили часть творческого наследия В. Я. Струве. Они использовались военно-топографическим депо Генштаба для составления географических карт.

В ходе сибирской экспедиции, продолжавшейся с 1832 по 1837 г., В. Федоров, как представляется, не мог не встречаться со ссыльными декабристами, — его появление должно было превращаться в событие в небольших городах и селах. К сожалению, пока неизвестно, когда именно путешественник был в том или ином населенном пункте, но на его маршруте находились на поселении декабристы В. П. Ивашев и Н. В. Басаргин (Туринск), Ф. М. Башмаков и О. В. Горский (Тара), Н. П. Беляев (Минусинск), П. С. Бобрищев–Пушкин, С. Г. Краснокутский и М. А. Фонвизин (Красноярск), П. Ф. Выгодковский (Нарым), А. В. Ентальцев, М. И. Муравьев–Апостол, В. К. Тизенгаузен и И. Д. Якушкин (Ялуторовск), Н. И. Лорер, М. А. Назимов, М. М. Нарышкин и А. Е. Розен (Курган), П. Д. Мозган (Ачинский округ), Н. А. Чижов (Тобольск) [18].

В то время, когда Федоров уже разъезжал по сибирским трактам, его хватились в воспитательном доме. 12 сентября 1833 г. Опекунский совет в ответ на требование казначейства Дерптского университета оплатить содержание бывшего воспитанника, отправившегося «для совершения астрономического путешествия», в свою очередь, обратился к совету университета с запросом о том, «на каком основании Федоров остается в Дерпте и поминовании определенного срока (март 1831 г. — Т. Ф.), где он ныне находится и с чьего разрешения отправлен для астрономических наблюдений». В полученном из Дерпта ответе сообщалось, что В. Федоров оставался в университете потому, что на его экспедицию в 1831–1832 гг. «испрашивалось высочайшее... разрешение», полученное 26 февраля 1832 г. В результате совет вынужден был извинительным тоном сообщить, что «о высочайшем соизволении на путешествие не имел сведений» и предложил почетному опекуну гр. М. Ю. Виельгорскому выяснить у Николая I, следует ли В. Федорова, которому было уже за тридцать, оставлять на содержании дома.

«По редкости такого примера воспитанника, приносящего столько чести воспитательному дому», император распорядился оставить его на содержании дома вплоть до определения на штатное место и выплачивать по 1000 рублей в год [19]. В марте 1839 г. «в воздаяние шестилетних отличных трудов, понесенных во время ученого путешествия по Сибири, В. Ф. Федоров был удостоен ордена св. Владимира IV степени [20], а значит, стал потомственным дворянином.

Еще в конце 1837 г. произошел, как уже отмечалось, новый поворот в судьбе заядлого путешественника. По возвращении из сибирской экспедиции он был назначен исправляющим должность ординарного профессора астрономии со штатным жалованием в недавно созданный университет св. Владимира в Киеве. Министр народного просвещения

С. С. Уваров сообщил об этом опекунскому совету 11 декабря 1837 г. С 1 января 1838 г. содержание от воспитательного дома ему было прекращено [21]. Став профессором и дворянином, наш герой получил и фамилию. По традиции воспитательного дома его стали именовать «Василием Федоровым сыном Федоровым», то есть в качестве фамилии использовали удвоенное отчество, а оно, как правило, было образовано от имени крестного отца.

15 июня 1838 г. на торжественном собрании в университете астроном произнес, надо думать, благонамеренную речь «о мнимом противоречии между истинами, явствующими из познания неба видимого — вещественного, и истинами, в которых открывается человеку небо невидимое — духовное». 8 февраля 1839 г. на основании собранных в поездках материалов В. Ф. Федоров защитил диссертацию «о точном определении географического положения пунктов, видимых из значительной дали» и получил ученую степень доктора математических наук. Его карьера — административная, преподавательская научная — развивалась весьма успешно.

22 июня 1839 г. В. Ф. Федоров был утвержден ординарным профессором астрономии. Продолжилось и сотрудничество с В. Я. Струве. В июне 1839 г. Петербургская академия наук пригласила его на торжественное открытие главной астрономической обсерватории на Пулковских высотах, которое должно было состояться в июле того же года. Командировка была разрешена попечителем Киевского учебного округа, который поручил новому профессору «войти в сношение с академиком Струве и касательно заказа для университета св. Владимира астрономических инструментов на 62000 руб.». В августе 1839 г. непреходящий секретарь Академии наук сообщил В. Ф. Федорову, что министр народного просвещения продлил командировку на две или три недели «для ближайшего ознакомления себя под руководством бывшего учителявашего академика Струве со всеми частями как самого строения, так и главнейших инструментов. С. С. Уваров полагал: «Участие ваше при окончательном установлении и проверке инструментов главной обсерватории может быть полезно при будущем сооружении и обзаведении Киевской обсерватории» [22].

22 марта 1840 г. «за отлично-усердную службу» профессор В. Ф. Федоров получил благодарность министра, а 25 апреля того же года совет университета избрал его деканом 2-го отделения философского факультета, как полагалось по тогдашнему уставу, на годичный срок. 10 апреля 1841 г. он был избран проректором, также на год.

В 1843 г. подошел срок очередных выборов ректора. По уставу 1842 г. совет университета выбирал двух кандидатов. Затем министр представлял их на утверждение императору. Это был первый шаг к назначению ректоров (выборы были отменены в 1849 г.). Ректора избирали на 4 года. Баллотирование состоялось 16 марта 1843 г. В. Ф. Федоров получил 11 голосов из 14 возможных, а второй кандидат — 8 голосов. Попечитель Киевского учебного округа представил министру копии избирательных листов и ходатайствовал об утверждении в должности ректора В. Ф. Федорова, как «старшего из двух избранных... кандидатов». 4 мая того же года Николай I утвердил журнал Комитета министров, представлявший его кандидатуру, а 17 мая во время заседания совета ему вручили большую университетскую печать [23].

Историк А. В. Романович-Славатинский отмечал, что на избрание В. Ф. Федорова смотрели как на реакцию против предыдущего ректора, слывшего суровым педантом: «Избрали человека необыкновенно доброго и мягкого. Превосходный товарищ, он по натуре своей не был способен к формальному и суровому исполнению своих обязанностей. Это была милая и светлая личность; это был ректор-товарищ» [24]. Тот же автор подчеркивает, что Федоров, как ректор, «по природе своей мог быть только равным, но не первым» [25].

Другой специалист — М. В. Владимирский–Буданов — приводит иной отзыв современника о деятельности В. Ф. Федорова на посту ректора: «То был человек даровитый и весьма добрый, но, как все мягкие люди, не очень хороший администратор». При нем, по сведениям того же очевидца, совет университета раскололся на русскую и немецкую партии, к последней примкнул и сам ректор, как дерптский воспитанник, и она одерживала верх. По утверждению историка, после изгнания из Киевского университета поляков университет становится немецким не только по уставу, но и «по преобладанию руководящих немецких элементов». Дерптскими воспитанниками-немцами были проректор, часть деканов, а также преемник В. Ф. Федорова на посту ректора, задержавшийся на этой должности благодаря отмене выборов до эпохи великих реформ.

Так или иначе, сам В. Ф. Федоров, очевидно, тяготился административными обязанностями. По истечении четырехлетнего срока он попросил уволить его от участия в новых выборах на том основании, что должность ректора несовместима с обязанностями директора обсерватории, которым он к тому времени стал. Совет уважил его просьбу, и в последние годы жизни В. Ф. Федоров смог сосредоточиться на своих любимых занятиях [26]. Автор анонимного издания по истории Киевского университета 1896 г. в целом подтверждает оценки предшественников. По его мнению, В. Ф. Федоров добросовестно исполнял обязанности ректора, хотя «его мягкий характер и уступчивость создавали массу административных затруднений на этом пути» [27].

Знаток истории Киевского университета, отмечая «немецкое засилье» среди профессоров и администрации, вместе с тем подчеркивал, что дерптские воспитанники «отличались ревностью к делу, трудолюбием, честностью» [28]. Эти качества явно были присущи и В. Ф. Федорову.

Прибыв в Киев, он возглавил кафедру астрономии и «сошел с кафедры вместе с жизнью в 1855 г.». Преподавал он тригонометрию, астрономию — теоретическую и практическую, а также геодезию. По тогдашним правилам в справочной литературе указывалось, что преподаватель читал лекции «по собственным запискам», но основываясь по тригонометрии на лекциях дерптского профессора Е. М. Бертельса, по теоретической астрономии — на трудах Перевошикова, Ф. Ф. Шуберта и преимущественно Боненберге-ра, а по практической астрономии и геодезии — собственными изысканиями и сочинениями В. Я. Струве. Справочная литература излагает и краткую программу изучавшихся дисциплин, но все эти сведения не дают представления о том, каким преподавателем был В. Ф. Федоров. Об этом сообщают лишь краткие воспоминания К. П. Яновского, учившегося на физико-математическом отделении в 1839–1843 гг.: «Из всех лекций, которые были нам читаны, самыми производительными были лекции В. Ф. Федорова... Он своими вопросами возбуждал внимание и понимание читаемого» [29]. Похоже, он обладал и хорошим чувством юмора. Когда в 1846 г. попечитель учебного округа заявил, что геодезия преподается в университете сокращенно, ректор В. Ф. Федоров вступился за себя же профессора и заявил, что геодезия преподается, «сколько мне, как ректору сего университета известно, профессором астрономии... даже в большей обширности, чем следовало бы по распределению предметов» [30].

Главным направлением научных занятий В. Ф. Федорова являлось, как уже упоминалось, создание астрономической обсерватории, которую положено было иметь каждому университету по штатам 1835 г., и организация ее работы. Прибыв на работу в Киев, уже в 1838 г. начинающий профессор открыл астрономический кабинет, в котором находилось 35 приборов и инструментов (очевидно, в их число попали и те, что путешествовали по Сибири). Вскоре, советуясь с В. Я. Струве, он сам разработал проект ее устройства и, видимо, участвовал в выборе места закладки. В феврале 1841 г. была утверждена смета на постройку здания. В. Ф. Федоров лично забивал колья для обозна-

чения его объема. Автором проекта обсерватории, как и возводившегося тогда же главного здания университета, являлся архитектор В. И. Беретти [31].

Еще до окончания строительства в том же 1841 г. по ходатайству неугомонного В. Ф. Федорова во дворе дома капитана Корта на Печерске, где тогда размещался главный корпус университета, в деревянной будке была устроена временная обсерватория, в которой проводили астрономические наблюдения студенты старших курсов. В декабре 1841 г. профессор отправился в командировку в Мюнхен «для принятия и сопровождения заказанных для обсерватории... астрономических снарядов». Поездка оказалась неудачной. По дороге транспорт был ограблен.

К началу 1842 г., по данным ревизии, обсерватория была «выведена в черне, и работы произведены хорошо». В июне того же В. Ф. Федоров ездил в командировку в Чернигов для наблюдения за солнечным затмением [32]. Здание обсерватории было закончено только в 1845 г. По примеру Пулковской она располагалась на возвышенности и в то время находилась на окраине города в отдалении от основных зданий университета. Авторы справочника конца XIX в. считали обсерваторию «весьма удобной» для астрономических работ: «Горизонт открыт почти во все стороны, воздух весьма чист благодаря широкому поясу садов и обросших дерном холмов и лугов, отделявших обсерваторию от окружающих пыльных улиц» [33]. Таким образом, то, что зависело от профессора кафедры астрономии, было сделано добротнo и качественно. Обсерватория располагалась на участке площадью примерно в десятину, уступленном университету Софийским собором.

С другой стороны, перед главным астрономом и его помощниками вскоре выросли непростые технические проблемы. В башне обсерватории стали устанавливать рефрактор и в ходе установки уронили его, отчего «он мог уже в самом начале подвергнуться многим повреждениям». Архитектурные особенности здания также затрудняли работу наблюдателей: подвижная башня рефрактора была установлена слишком высоко и была очень велика, каменные стены не являлись прочным основанием для башни, а доступ на нее был затруднен. Ветер на высоте вызывал вибрацию инструментов, что могло сказаться на точности результатов. Позднее, в 1860-е гг., башню пришлось перестраивать под наблюдением В. Я. Струве, но уже после смерти его любимого ученика [34], а пока Киевский университет мог похвастаться второй среди российских университетов базой для астрономических наблюдений.

Несмотря на трудности, В. Ф. Федоров начал работать и уже в 1846 г. опубликовал «Отчет об ученой деятельности астрономической обсерватории». В 1847 г., отказываясь от участия в выборах ректора на следующий срок, он заявил, что «по званию профессора астрономии должен заведовать астрономической обсерваторией, отстоящей в дальнем расстоянии от университета, в котором тогда ректор... должен был иметь свое пребывание, может быть, на том старосветском основании, что хозяин должен жить в своем доме». По другим сведениям, на заседании совета В. Ф. Федоров, к тому же, добавил, что ректор должен быть и примером для «всего сословия университета» в научном отношении [35].

Освободившись от административных обязанностей, В. Ф. Федоров, человек холостой, поселился в обсерватории, ставшей его любимым детищем. Он по-прежнему вел активную преподавательскую деятельность, справляясь «один собширною областью своей науки», и являлся одним из лучших преподавателей своего факультета. Как директор обсерватории, он продолжал заниматься астрономическими наблюдениями и исследованиями. В частности, известна его брошюра под названием: «Наблюдение над затмением Солнца, бывшим 16/28 июля 1851 г.» (Киев, 1852) [36].

24 марта 1855 г. Федоров скончался. Его смерть историк М. Ф. Владимирский-Буданов считал одной из серьезнейших для университета потерь 1850-х гг. В. Ф. Федоров

является, пожалуй, единственным питомцем Петербургского воспитательного дома, добившимся таких значительных успехов на научном и учебно-административном поприще.

ЛИТЕРАТУРА

1. РГИА. Ф. 758. Оп. 10. Д. 67. Л. 9.
2. Там же. Л. 38, 101; ф. 733. Оп. 69. Д. 750. Л. 8 об. — 9.
3. Там же. Ф. 733. Оп. 56. Д. 463. Л. 4.
4. Там же. Ф. 758. Оп. 10. Д. 79. Л. 3 — 3 об.
5. Там же. Л. 3 об. — 4.
6. Там же. Ф. 733. Оп. 56. Д. 463. Л. 19, 25-28, 31, 34-35, 38, 46-47, 52-53, 61-76, 82-92.
7. Там же. Л. 34, 50, 51.
8. Там же. Л. 101-102, 109-110 об., 112-113, 124-134 об.
9. Там же. Ф. 733. Оп. 56. Д. 277. Л. 165-166.
10. Там же. Л. 227-231 об.
11. Там же. Л. 234-236.
12. Там же. Л. 237-252.
13. Там же. Л. 253-278.
14. Там же. Л. 288-288 об.
15. РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 750. Л. 10 об. — 11; оп. 56. Д. 277. Л. 227-306.
16. Там же. Л. 302-314.
17. Там же. Л. 315-322 об.
18. Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 14, 16, 25, 47, 57, 66, 73, 89, 104, 109, 121, 124-125, 158, 173, 186, 196, 210.
19. РГИА. Ф. 758. Оп. 10. Л. 17-29.
20. РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 750. Л. 12 об. — 13.
21. Там же. Ф. 758. Оп. 10. Д. 79. Л. 26-26 об., 29.
22. Киевский университет: Документы и материалы. 1834-1984. Киев, 1984. С. 17, 170.
23. РГИА. Ф. 733. Оп. 69. 1843. Д. 750. Л. 1-2, 5-6 об.; Романович-Славатинский А. В. Жизнь и деятельность Н. Д. Иванищева. СПб., 1876. С. 166-167.
24. Романович-Славатинский А. В. Указ. соч. С. 167-168.
25. Там же. С. 180.
26. Владимирский-Буданов М. Ф. История императорского университета св. Владимира. Киев, 1884. С. 322, 546.
27. Киев и университет св. Владимира при императоре Николае I. Киев, 1896. С. 83.
28. Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 323.
29. Яновский К. П. Воспоминания и мысли // Русский вестник. 1902. № 7. С. 128.
30. Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 386-387.
31. Историко-статистические записки об ученых и учебных вспомогательных учреждениях императорского университета св. Владимира (1834-1884). Киев, 1884. С. 158; Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 386; Киевский университет: 1834-1984. Киев, 1984. С. 25.
32. РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 679. Л. 28 об.; д. 750. Л. 15 об. — 16.
33. Историко-статистические записки... С. 159.
34. Там же. С. 159-160.
35. Там же. С. 163; Романович-Славатинский А. В. Указ. соч. С. 168; Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 546.
36. Киев и университет св. Владимира... С. 82-83; Историко-статистические записки... С. 163.